

Сергей ГОЛОВАЧЁВ

ЛЫСАЯ ГОРА

Бог и и демоны Сергея Головачёва

Киев всегда был городом таинственным и мистическим. По крайней мере, для писателей, чье творчество не чуждо романтизму. Именно в те времена «мать городов русских» стала еще и прибежищем нечистой силы, городом, где куда ни плюнь, тут же попадешь в ведьму или чародея. В последнее время эта фольклорно-романтическая традиция с новой силой возродилась в произведениях отечественных авторов, прежде всего, киевлян. Оно и не удивительно. Кто, как не уроженец стольного города, напишет о нем с такой силой, любовью и искренностью. Пальма первенства тут по праву принадлежит Ладе Лузиной, пишущей уже более десяти лет цикл «Киевские ведьмы» о похождениях трех молодых киевлянок, по воле Судьбы сделавшихся киевицами — хранительницами родного города. Но вот, похоже, у Лузиной появился соперник на этом поприще — Сергей Головачев с его романом «Лысая гора».

Книга написана в жанре, который достаточно сложно определить. Тут вам и «криптоистория»,

когда оказывается, что всю историю Земли мы с вами читали и понимали не совсем так, как оно было на самом деле. И городское фэнтези, действие в котором происходит в большом мегаполисе, где рядом с людьми существует нечистая сила в «чистом» виде, а также представители всевозможных волшебных рас (вроде песиголовцев, нагов, нефелимов и пр.). И эсхатология, пророчествующая о судном дне и всем с ним связанном. И конспирология, говорящая о вселенском заговоре неких темных сил против человечества. И сатира на современное общество... В общем, каждый читатель может повернуть сюжет по своему вкусу.

Форма тоже выбрана не совсем обычная. Перед нами то ли беллетризованный путеводитель, то ли пособие для ролевой игры. В центре повествования разношерстная группка людей, ходящих вслед за таинственным экскурсоводом по памятным местам одной из киевских Лысых гор (она же Девичья). Параллельно идет сюжет, связанный с несколькими девушками, обладающими парапсихологическими способностями. Ну, и еще пару сюжетных линий, повествующих то об инопланетянах, заделавшихся местными (земными) богами, то о полубезумном попе-инквизиторе, то о молодежных группах. Перекрещивающиеся сюжеты порой приводят к

тому, что одно и то же явление или памятное место описывается несколько раз с различных ракурсов и с разнящимися трактовками. Ну, как известно, повторение — мать учения (хотя повторы иногда напрягают).

Книга построена на множестве литературных реминисценций. Здесь есть интертекст и из мифов народов мира (например, шумероаккадских), и из Библии (что тоже «по соседству» с Междуречьем), чувствуется знакомство автора и с современной литературой — книгами Георгия Зотова, Лазарчука с Успенским, Лады Лузиной и др. Лузина даже выведена в книге в качестве персонажа под своим собственным именем Владислава. И, разумеется, арбитром для самого писателя, его литературным маяком стал Михаил Булгаков, внесший неизмеримый вклад в развитие киевского литературного мифа. Сергей Головачев тактично полемизирует с Мастером.

Если у Булгакова поэт Бездомный, написавший антирелигиозную поэму, и редактор толстого журнала Берлиоз признаются специалисту по чёрной магии Воланду, что они, как атеисты, не верят в бога и не признают дьявола, и более того, убеждены, что Иисуса, как личности вообще не существовало, то у Головачёва бог и дьявол не только существуют, но и являются сводными братьями, вечно враждующими друг с другом.

Более того, — после того, как безумный инквизитор произносит ключевую фразу: «Изыди, дьявол, из горы сия!», дьявол не медлит появиться и становится главным действующим лицом светопреставления, на котором на пару с господом вершит страшный суд над грешниками. Именно эти грешники, для которых все смертные грехи уже давно стали добродетелями, и привели сегодняшний мир на грань катастрофы.

Действие романа происходит в знаменитую Вальпургиеву ночь, когда активизируются все враги рода человеческого, слетаясь на шабаши в места, подобные киевской Лысой горе. Ночь у Головачева длится невероятно долго, вмещая в себя чуть ли не вселенские время и пространство. Перед нами проходят события даже не «времен Очаковских», а едва ли не допотопных, куда там, до сотворения мира. Автор насыщает текст многочисленными философскими отступлениями, размышлениями по самым разным проблемам этики и морали. Слава Богу, делает он это нескучно, явно памятуя заветы просветителей, призывавших сочетать полезное с приятным.

Андрей Чернецов

Украинский Zeitgeist

После прочтения книги Сергея Головачёва «Лысая гора» гостям и жителям Киева стоит если не переехать в другой город, где поспокойнее, то определённо проштудировать эзотерическую литературу, посмотреть соответствующие фильмы, обратиться к сведущим людям — в общем, максимально подготовиться перед встречей с разнообразной нечистью, которой, оказывается, кишит украинская столица. Главная же inferнальная концентрация наблюдается на Лысой горе, где в канун Майской ночи разворачиваются мистические события романа.

Острастки при чтении добавляет тот факт, что Лысая гора — место вполне реальное. Более того, десятки тысяч киевлян ежедневно курсируют близ, заражаясь её отрицательной энергетикой.

Ведь, по преданию, именно на Лысой горе князь Владимир, крестивший Русь-матушку, расправлялся с неугодными язычниками. В конце XIX века военные построили здесь — чем не начало классического американского триллера? — секретную военную базу, позже модернизированную в тюрьму, где вешали преступников. Сейчас же на Лысой горе собираются сатанисты, толкиенисты, наркоманы и прочие маргиналы.

В общем, материал Сергею Головачёву попался благодатный — можно не только книгу писать, но и кино снимать. Пригласить, например, Милу Йовович и Наоми Уотс, вооружить осиновыми кольями, наделить экстрасенсорными способностями и запустить на Лысую гору, чтобы они раз и навсегда расправились с нечистью.

Началось же всё с пропажи тринадцатилетней девочки Зои, якобы отданной в жертву на растерзание лютому Змию. До кучи, чтоб уж наверняка, Головачёв впихнул в роман двухголовую змею Амфисбену, бесов, псоглавцев (привет Алексею Иванову-Маврину), библейского Змия и архангела Михаила. Причём последние двое, несмотря на идеологические противоречия, действуют практически идентично — с забавной такой риторикой.

Автор предпочёл не разбираться в том, почему большей части населения вдруг стали так интересны — «ох уж эти люди, повсюду им мерещатся змеи» — вампиры, ведьмы и вурдалаки, маги и экстрасенсы, которые бьются на теле- и киноэкранах, а захотел сам вписать себя в этот масскультурный контекст. Нечто подобное сделал Виктор Пелевин в своей последней книге «Бэтман Аполло», где поигрался с модой и трендами, тем не менее не забыв про метафизическую платформу, от которой Головачёв отказался.

Всё это было бы действительно так, с занесением в регистр маскультовой беллетристики, если бы Головачёв в своей «Лысой горе» не проделал с читателем любопытный фокус: магически-эзотерический «шапочный» ликбез как нельзя лучше отражает те социальные и культурные процессы, которые сегодня происходят в Украине, прежде всего, в головах её граждан. Роман, как чистильщики с Лысой горы, разбирается с совершеннейшим информационным бардаком, что, как мозговой паразит, пожирает и трансформирует личное и массовое сознание украинцев, тонущих, как пел Гребенщиков, в море информации, единственный выход из которого — саморазрушение.

И в данном контексте «Лысая гора», безусловно, никакая не мистика и не фэнтези, а симпатичная едкая сатира, искусный стёб, отражающий и уничтожающий украинский Zeitgeist.

Платон Беседин

Предисловие автора

Возможно, многое, поведенное мной, покажется вам причудливой фантазией, игрой воображения, досужей выдумкой или небылицей в лицах, не имеющей ничего общего, как с действительностью, так и с лицами, выведенными в ней.

И всё же в основе этой *дьявольски-божественной фантасмагории*, оттенённой мистерией Вальпургиевой ночи, которая, как по расписанию, повторяется из года в год, лежат подлинные события, произошедшие на Лысой горе в канун Первомая несколько лет тому назад.

В то время человеческая жизнь ещё чего-то стоила, а любое известие о пропаже человека, изнасиловании или убийстве тотчас попадало на страницы газет и подолгу освещалось с экранов телевизоров. Милиция тогда ещё имела вес, а «Беркута» многие даже побаивались. Но именно тогда в последний апрельский день на Лысой горе Девичьей и случилось то, что явилось предтечей последующих событий.

Напутствие гида

Лысых гор на свете немало. Чуть ли не в каждом городе есть своя Лысая. Даже там, где нет гор.

Самая знаменитая среди них, конечно же, Голгофа. Не менее известны ещё две безлесные вершины: гора Брокен, воспетая Гёте в его бессмертном творении «Фауст» и, собственно, Лысая Гора в Киеве, давшая имя своё всем остальным подобным возвышенностям.

Когда-то само название этой горы приводило людей в ужас. Теперь же оно стало настолько привычным и распространённым, что за звание главной Лысой Горы борются в Киеве — логове Змиевом, по крайней мере, тринадцать лысых гор. Можно лишь представить себе, сколько ведьм обретаются в нашем славном местечке и как нелегко им определиться с выбором места для шабаша.

Я расскажу вам о той лысой горе, которая испокон веков называлась Девичья. Именно сюда сперва, на Девич-гору или на Девичник, как ещё называют эту возвышенность с отвесным меловым обрывом сами ведьмы, прилетала на половой щётке и купалась затем в Днепре королева всех ведьм булгаковская Маргарита.

10 *Одному сюда вам лучше не соваться. Ни днём, ни ночью. Но если уж любопытство пересилило, и вы сунули сюда свой длинный нос — знайте, что вы сделали это на свой страх и риск. Если что-то пойдёт не так, берите ноги в руки и бегите отсюда без оглядки!*

Лысая Гора каким-то невероятным образом притягивает к себе убийц и самоубийц, насильников и маньяков. И если в других местах они ещё как-то сдерживают себя, то здесь ими овладевает ощущение вседозволенности и всемогущества.

Обычный с виду человек вдруг ни с того ни с сего достаёт нож, у насильника при виде одинокой девушки тут же загораются глаза, потенциальный самоубийца именно здесь внезапно решается на непоправимое, параноик неожиданно начинает слышать голоса, а шизофреник наяву лицезреть галлюцинации. Вот почему Лысая Гора так усиленно охраняется нарядами милиции и патрульными машинами.

Не страшно здесь бывает лишь в большой компании, но лучше всего и безопаснее отправиться сюда на экскурсию с опытным гидом.

Вперёд же, за мной, отважные искатели приключений!

Я поведу вас в такие чащи, куда лучше не заходить без провожатого, и заведу вас в такие дебри, откуда самим вам не выбраться. Вы

побываете во многих местах Силы, начиная с древних капищ Перуна и Лады и заканчивая поляной Желаний, где вы сможете загадать своё самое заветное желание, и оно обязательно сбудется.

Я поведаю вам о том, о чём страшно даже подумать. Вы заглянете в такие бездны, куда жутко даже заглядывать, и увидите такое, отчего волосы встанут дыбом. Мы поднимемся в небеса к самим ангелам, чтобы с горних высей рассмотреть эту гору тщательным образом, а затем спустимся вглубь её, к демонам, чтобы увидеть, как изнутри она выглядит.

Я покажу вам Девичник таким, каким его видят сами ведьмы. Единственное, чего вы не увидите, — это то, как они летают на помеле. Потому что это всё сказочки, рассказанные самими ведьмами, чтобы все их боялись. Я же расскажу вам о них чистую правду, чтобы вы их боялись ещё больше.

Придите и узрите всё сами своими глазами! И будем дрожать от страха вместе!

Находится Девичья Гора на южной околице столицы, на Выдубичах, возле Южного моста неподалёку от впадения речки Лыбедь в Днепр. А добраться сюда сейчас лучше всего не на щётке, а на метро.

Если желаете записаться на экскурсию, оставьте свой номер телефона, и наш

*администратор вам обязательно перезвонит.
Количество мест в группе строго ограничено!
Сбор на середине платформы станции метро
«Выдубичи» в 11.30. Форма одежды походная.
Экскурсия рассчитана на три часа, поэтому,
просьба, не опаздывать, никого ждать не будем.*

Действие первое ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРУ

*«Подымите мне
веки: не вижу!»*

«Вий», Н. В. Гоголь

1. Майя и Жива

Внезапная вспышка света, сдвиг, — и в чёрном проёме тоннеля со стороны левого берега зажглись шесть ярких звёзд. Выстроенные в одну линию, они быстро приближались, всё больше становясь похожими на огнедышащую пасть змея.

Через пару секунд *несусветный* змей обернулся обычным поездом, и тот с жутким грохотом вылетел из мрака преисподней на освещённую станцию метро «Выдубичи».

На середину платформы из третьего вагона вышел странный человек, полностью одетый в камуфляж-хамелеон от Sabala`s. Куртка с длинными рукавами, брюки и бейсболка с фирменным лого, — всё имело лесной маскировочный окрас с полуразмытым рисунком-инпринтом. Таких же оттенков камуфляжная сумка с ремешком, перекинутым

наискосок через плечо, висела у него на боку. Странность же его заключалась в том, что вышел он из вагона на платформу босиком.

Внешность у босоного также была не совсем обычная. Плотно прижатые уши и гладко выбритая голова, покрытая бейсболкой с вогнутым козырьком, а также округлые брови, маленькие чёрные глазки и чуть вздёрнутый нос делали его чем-то похожим на удава.

Подойдя к собравшейся на середине платформы группе из двенадцати человек, он приветливо поздоровался со всеми и внутренне улыбнулся: все экскурсанты, как на подбор, были одеты одинаково — в походные куртки, джинсы и кроссовки, и с рюкзаками за спиной, за исключением одной молодой особы, которая пришла на экскурсию в длинной чёрной юбке до пят, в туфлях на каблуках, в полупрозрачной дымчатой блузке и с тугой русой косой до пояса.

Поскольку она и ещё одна дама в больших роговых очках принялись бесцеремонно разглядывать его с головы до босых ног, приняв за очередного экскурсанта, он тут же внёс ясность.

— Я ваш гид, — представился он.

Это произвело впечатление: у длиннокосой девушки даже невольно поднялись брови.

— И как вас зовут? — кокетливо спросила она его, и на щеках её появились круглые ямочки, которые мгновенно придали ей очарование.

На лице босоного гида отразилось некое недоумение, словно его покорила подобная фамильярность.

— А вас? — хмыкнув, ответил он вопросом на вопрос.

— Владислава, — зарделась девушка. — Можно просто Лада.

— Ну, а меня называйте просто гид.

Позже, делясь впечатлениями о нём, одни экскурсанты утверждали, что их проводник был молодым человеком, чем-то похожим на Константина Райкина. Другие считали, что он больше смахивает на Фёдора Бондарчука, только без усов, и на самом деле это мужчина средних лет, выглядящий, правда, моложаво. Третьи на полном серьёзе доказывали, что это был вылитый телеведущий Владимир Познер, то есть совсем уже пожилой мужчина, убравший морщины с лица благодаря стволовым клеткам и молодящийся при помощи ботокса.

В свою очередь, *вечный* гид, приглядевшись к собравшейся компании, с удивлением подметил, что коллектив на этот раз подобрался особенный, если не сказать больше. Он словно попал в террариум. Почти каждый экскурсант своим

внешним видом чемто напоминал ему определённое животное. Насмешливая улыбка невольно озарила его лицо.

Кроме дамы в очках, имевшей сходство с *обезьяной* капуцином (из-за глубоких впадин под глазами, которые большие очки лишь подчёркивали), в группе присутствовала девушка с массивной, выдвинутой вперёд нижней челюстью. Когда она скалила зубы, широко обнажая верхнюю десну, то походила этим на известную *лошадь* по имени Ксюша. Рядом с ней находился резвый паренёк с красивым крючковатым носом и с модным коротким гребнем на стриженной голове, делавшим его похожим на *петуха*.

Стоявшая чуть поодаль барышня время от времени высовывала изо рта длинный, как у *ящерицы*, язык и облизывала им губы, а иногда даже кончик носа. Ещё один парень выделялся необычной татуировкой с полосатыми, *тигриными* разводами на руках и шее.

Возле толстой тётки с обрюзгшим лицом и заплывшими, как у *свиньи*, глазками стоял похожий на *кролика* Сеню лопухий мужчина в очках и с приоткрытым ртом, из которого постоянно выглядывали два передних зуба.

Был здесь и низкорослый мужик с жидкой *козлиной* бородкой, и крутобокая женщина с выдающимся бюстом и с огромными, как у *коровы*,

выпученными глазами, и прыщавая девица с острой *крысиной* мордочкой, и молодой человек с *бульдозным* выражением лица. Единственной персоной, которую босоногому гиду не удалось идентифицировать с каким-либо зверьём в этом *бестиарии*, была Владислава. Она обращала на себя внимание природной, ничем не испорченной красой.

Будет хоть на кого посмотреть во время долгой экскурсии, подумал он.

— Ну что, идём? — кивнул гид в сторону выхода, — как и было сказано: ждать больше никого не будем.

Стоявшая рядом с ним Лада недовольно сморщила носик и на шаг отступила от него: изо рта гида исходил не очень приятный запах.

— А можно, на секундочку... общий снимок сделать перед началом экскурсии? — обратилась она ко всем, одновременно выбирая на дисплее своего смартфона режим фотокамеры.

— Можно, — ответил гид, — но только без меня.

— А почему? — удивилась Лада.

— Я не очень фотогеничный, — отходя в сторону, пояснил гид.

Вытянув руку вперёд, Владислава направила фронтальную камеру смартфона на себя (группа

при этом оказалась лишь общим фоном для её селфи).

— Улыбочку, — предупредила она всех и нажала пальчиком.

Щёлк!

Новоиспечённую фоточку Лада ту же выложила в фейсбуке и в «ВКонтакте» под общим заголовком «МОЯ ЭКСКУРСИЯ НА ЛЫСУЮ ГОРУ НАЧАЛАСЬ». Уж очень любила она это дело — устраивать всевозможные перформансы с участием себя любимой и при каждом удобном случае постить себя в соцсетях!

В это время на другую сторону платформы со стороны правого берега с невероятным грохотом влетел ещё один *несусветный* змей, скрывавший свою сущность под видом поезда.

Из первого вагона среди прочих выбрался чернобородый мужчина в длиннополом чёрном плаще, а из второго вагона вышли две светловолосые девушки, чем-то похожие друг на друга. Может быть тем, что одеты они были обе в одинаковые белые сорочки с ручной вышивкой и в красные юбки с клетчатыми передниками.

— Жива! — завелась с пол-оборота одна из них.

— Что, Майя? — в том же духе ответила другая.

— Ну, что такое! — набирала Майя обороты.

От её выразительного, по-детски обиженного, миловидного лица нельзя было глаз отвести, настолько оно привлекало к себе. Так же, как и от её красных бус, составленных из крупных пластмассовых бусин.

— А что такое? — невозмутимо пожимала плечами Жива, — согласишься, что ты проиграла!

Пару минут назад они поспорили, смеясь, на кого из них обратит внимание симпатичный парень, сидевший напротив в вагоне.

— Ну, как это тебе удаётся? — не унималась Майя. — Мы ведь с тобой рядом сидели, а он на меня почему-то... даже ни разу не взглянул.

— Да я вообще на него не смотрела! — оправдывалась Жива.

Она явно уступала двоюродной сестре в красоте. Несмотря на похожие наряды, Майя выглядела более женственно — у неё были накрашены веки, ресницы и губы, в отличие от мальчиковой внешности Живы, полностью игнорировавшей макияж.

— А чего же тогда он с тебя глаз не сводил?

— Спроси у него сама!

Майя недовольно вздохнула.

— Вот побываешь сегодня со мной на Девичнике, — пообещала ей Жива, — тебе и не такое будет удаваться.

Их яркие, пошитые в народном стиле наряды резко контрастировали на фоне проходившей мимо них группы невыразительно одетых экскурсантов. Босоногий гид в камуфляже даже повернул голову в их сторону, задержав свой взор на привлекательном лице Майи.

— А Лысая гора где? — неожиданно обратился к нему чернобородый человек в длиннополом плаще, с недоумением озираясь по сторонам: на станции, как оказалось, имелось два выхода. В руке он держал небольшой чёрный саквояж.

Вскользь окинув его недружелюбным взглядом, гид бросил ему на ходу:

— Здесь. Она над вами.

Пока чернобородый осмысливал сказанное, экскурсанты обошли его с двух сторон.

— А на Лысую гору куда? — спросил он идущих следом двух девушек в красных юбках и в белых сорочках.

— Туда, — махнула рукой Жива в ту сторону, куда ушли экскурсанты и куда направлялись они сами.

Кивнув на массивные медные буквы «ВЫДУБИЧИ», выложенные на мраморной стене станции, человек, похожий на попа, осведомился:

— Значит, здесь он и выдыбал?

— Кто? — не поняла Жива.

— Ну, идол этот, Перун... неужто не знаете?

— Ну, почему не знаем? Знаем, — обиделась Майя, — его скинули в Днепр, а затем его здесь на берег вынесло.

Они втроём поднимались по ступенькам. Спину Майи украшал симпатичный холщовый рюкзачок. Длинные волосы мужчины в чёрном плаще были стянуты сзади в конский хвостик.

— Именно так. И знать, неспроста. Нечистое это место, проклятое. До сих пор ведь на дне лежит, окаянный!

— Как до сих пор? — воскликнула Майя.

— А так. Привязали ему камень на шею и второй раз утопили. А чтобы место сие освятить, неподалёку монастырь воздвигли Выдубецкий.

— Теперь понятно, — догадалась Жива, — зачем здесь Перуну чуры поставили.

— Какие ещё чуры? — спросил чернобородый, и глаза его вдруг подозрительно забегали.

— Да есть тут такие на Лысой горе, — ответила Жива и добавила язвительно, — неужто не знаете?

Человек, похожий на попа, недовольно шмыгнул носом и с усилием толкнул стеклянную дверь вперёд. Поскольку он её не придержал, тугая тяжёлая дверь, мгновенно вернувшись назад, едва не сбила с ног идущих следом девушек.

— А теперь куда? — спросил чернобородый у них, когда те вышли из соседних дверей. Подземный вестибюль разветвлялся на две стороны.

— Налево, — кивнула Жива.

Пойдя налево, поп через десять метров вновь оказался на развилке.

Под землёй оказалась довольно запутанная сеть многочисленных переходов, в которой легко было заблудиться, и очень часто несведущий человек мог долго кружить и блуждать по ней, прежде чем выбирался на поверхность в нужном месте.

— А теперь? — спросил он у девушек.

— Опять налево, — услужливо подсказала Жива. — Тут всюду нужно поворачивать налево: и под горой, и на горе.

Выйдя, наконец, из-под земли, они оказались на автовокзале «Выдубичи». (P.S.: сейчас здесь высится современное здание со стеклянными стенами и овальным фасадом голубого цвета. В Яндекс-картах он выглядит сверху, как стилизованный знак вопроса.)

Подобные вывески висели также и на двух одноимённых железнодорожных станциях, расположенных впереди и справа отсюда. Оказавшись на перекрестье четырёх автомобильных дорог и трёх железнодорожных

веток (городской электрички, на Дарницу и в Триполье) место это являло собой оживлённый пересадочный узел.

Чернобородый мужчина недоумённо повертел головой: многочисленные киоски и возвышающиеся над ними эстакады автомобильной развязки закрывали собой весь горизонт. (P.S.: С недавних пор здесь впритык добавилась ещё одна железнодорожная эстакада от нового моста Кирпы, и поезда теперь проносятся едва ли не над головой.)

— И где же она, эта Лысая? — усмехнулся он.

Жива улыбнулась:

— Отсюда не видно.

А Майя поинтересовалась:

— А зачем вам туда?

— Надо, девушки, очень надо, — покачав головой, заверил их мужчина.

— Ну, идёмте, я вам покажу, — сказала Жива.

Они отошли немного в сторону и поднялись по ступенькам к торговому ряду. Чернобородый огляделся: хитросплетение автодорог, железнодорожных путей, путепроводов, виадуков, мостов и эстакад опутывало всю местность здесь словно паутиной и будто специально запутывало все подходы к Лысой горе.

— Да тут сам чёрт голову сломит! — недовольно заметил человек, похожий на попа.

— Вот она! — показала рукой Жива на краешек *маленькой горы*, едва выглядывающей над крышами киосков.

— Этот бугор? — искренне удивился мужчина невзрачному виду горы, больше похожей на *большой холм*, — и где же они там собираются?

— Кто они? — не поняла Майя.

— Ведьмы, гори они в геенне огненной!

— Там и собираются, — усмехнулась Жива.

— Как же мне к горе той подойти? — спросил грозный мужчина, теребя бороду.

— Посмотреть на них желаете? — снова съязвила Жива.

— Да... как гореть они будут алым пламенем! — ожесточённо произнёс чернобородый, и в глазах его сверкнули молнии.

Майя и Жива недоумённо переглянулись друг с другом.

— Видите вон там пять вышек, — показала рукой Жива, -

идите в ту сторону, там и будет вход на Лысую.

(P.S.: в настоящее время весь периметр автостанции ограждён высоким забором, окрашенным в радужные цвета, но в дальнем углу между бетонными плитами с явным умыслом оставлен узкий проход, будто специально для тех,

кому нужно напрямик пройти к северному входу на Лысую.)

— Далековато. А другого пути нет?

— Есть. Но сами вы не найдёте.

— Ага, — призадумался человек, похожий на попа, — а вы там, что, уже бывали?

— И не раз, — улыбнулась Жива.

— И не страшно там?

— Нисколечки, — мотнула она головой.

— Как же? Там ведь, говорят, ведьмы эти так и шастают, пропади они пропадом.

Майя настороженно посмотрела в глаза двоюродной сестре. Жива не смогла сдержаться и с нескрываемой поддёрвкой, понизив голос, доверительно прошептала ему:

— А *ведь мы* и есть *ведьмы*.

— Вы? — недоверчиво зыркнул чернородый, — а не врёте?

Он заметил у неё на груди серебряный пентакль на цепочке — ведьмацкий знак — перевёрнутую пятиконечную звезду, заключённую в круг, и ему всё сразу стало ясно.

Внезапное замешательство в его глазах, *сдвиг*, — и... бокомбоком он отошёл от них в сторону, торопливо осенил их издали крестным знаменем и поспешно, не оглядываясь, удалился восвояси.

2. Мёртвая вода и мёртвая еда

Девушки прыснули со смеху. Бросив взгляд на удалявшегося мужчину в чёрном плаще, Майя возмутилась:

— А чего ты сказала ему, что мы ведьмы?

— Да так, — ухмыльнулась Жива, — захотелось его попугать.

— Но ты же ведь... не ведьма? — с сомнением в голосе спросила Майя.

— Ну, какая же я ведьма? — усмехнулась Жива. — Ведьмы поклоняются дьяволу. Наводят порчу, связаны с чёрной магией. Ну, а мы, ведуньи, белые и пушистые. Мы поклоняемся солнцу, земле и воде. Природе, короче. Мы про всё ведаем. Ты ведь хочешь стать, как я, ведуньей? — спросила кузину Жива.

— Хочу, — ответила Майя и с жаром добавила, — очень хочу!

— Ну, если хочешь, значит, станешь.

— А если у меня не получится?

— Получится! С кем поведёшься, от того и наберёшься. Я ведь и сама ещё учусь. Хочу стать *видящей*. Такой, как Навка. Или *вещей*, как Веда.

Майя недовольно сморщила носик.

— Фе, какой неприятный запах! Чем это здесь так воняет?

— Известно, чем — фекалиями. Вперемешку с продуктами горения от мусоросжигательного завода.

— А фекалии здесь откуда?

— С Бортнической станции аэрации. Именно сюда канализацией сносятся зловонные стоки со всего Киева. Причём рядом с ней, словно в насмешку, построили огромный жилой массив Позняки.

— Представляю, чем с утра до вечера там дышат тысячи людей, если даже сюда доносятся эти «ароматы».

— Мне кажется, это специально так сделали, — прикрывая ноздри пальцами, сказала Жива.

— Зачем? — удивилась Майя.

— Чтобы *затваривать* людей.

— *Затваривать* ? — не поняла Майя.

— Ну да, есть такая технология по *затвариванию людей* , то есть превращению их в *нелюдей* .

Проходя мимо табачного и пивного киосков, возле которых толпился народ, Жива пренебрежительно отозвалась:

— Вот, например, из той же серии — пункты дозправки *одержимых* .

Одержимые, не отходя от киосков, привычно вскрывали зажигалкой пробку от

бутылки и, отпив враз треть пошла, тут же трясущимися руками нервно совали в рот вожделенную сигарету.

За киосками следовала уличная раскладка фруктов и овощей.

На прилавке среди привычного великолепия субтропических бананов, лимонов и апельсинов, а также дышащих искусственной свежестью парниковых огурцов и помидоров была выложена первая доморощенная весенняя зелень — пучки свежeweмытой петрушки и мелкой, невзрачной на вид, редиски.

— Какие красивые огурчики! — воскликнула Майя. — Один в один. Так и хочется съесть их.

— А вот есть их сейчас, как раз, и нельзя, — предостерегла её

Жива. — Настоящие ещё не успели, а в этих одни нитраты.

— А помидорчики... Они ведь, как живые!

— Именно, *как* живые. Ведь они совсем не портятся.

Майя расстроилась:

— А что же тогда есть?

— Только то, что поспекает в свой срок — вот эту невзрачную редиску. Только то, что портится, что едят жучки. Жуки, в отличие от людей, химию есть не станут. Если видишь что-то красивое, значит оно, скорей всего, ненатуральное.

— Ты на что намекаешь? — коснулась своих волос Майя. — Что я тоже... ненатуральная?

Жива усмехнулась:

— Натуральной ты станешь тогда, когда перестанешь краситься.

— Какая ты нудная, — скривилась Майя.

Они подошли к бакалейному киоску, и Жива наклонила голову к окошку.

— Пожалуйста, пачку печенья, пакетик орешков и бутылку *живой* водички, — сказала она внутрь.

— Какой? — недоумённо спросили из окошка.

— Минеральной.

— Может, лучше возьмём кока-колу и чипсов? — пробурчала рядом Майя.

— Ты чего, издеваешься?

Расплатившись, Жива забрала с прилавка печенье, орешки и бутылку.

— Повернись, — сказала она двоюродной сестре.

— Почему издеваюсь? — недоумённо произнесла Майя, поворачиваясь к ней спиной. — Я, например, обожаю колу и чипсы.

— Может, ты обожаешь ещё и гамбургеры, а также пиво с сухариками?

— М-м, — облизнулась Майя, — и как ты догадалась.